

# ОБНИЩАНИЕ СРЕДНЕГО КЛАССА В АРГЕНТИНЕ: НОВЫЕ БЕДНЫЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ.

*Резюме*

**Габриэль Кесслер, Мария Мерседес ди Вирхилио**

## **ВВЕДЕНИЕ**

В данной работе анализируются различные аспекты процессов обнищания среднего класса в Аргентине. Приведенная ценность доходов работающего населения, в частности представителей среднего класса, с 1980 по 1990 год упала на 40%. Стабилизация экономики в 1991 году вызвала определенный рост, но с 1998 по 2001 год ценность доходов снова сократилась приблизительно на 20% и с тех пор полностью не восстанавливалась. С середины 1970-х годов за чертой бедности оказались сотни тысяч семей как на уровне среднего класса, так и в среде бедных, которым в прошлом удавалось хотя бы избежать нищеты. В 1980-е годы новая бедность была в основном результатом инфляционных и гиперинфляционных процессов, вызвавших задержки выплаты зарплаты и закрытие небольших предприятий. В 1990-е годы росту новой бедности способствовал высокий уровень безработицы. Кризис 2001 года вызвал массовое обнищание.

Ранее Аргентина представляла собой сравнительно интегрированное общество. Восходящая социальная мобильность, непрерывность которой не ставилась под сомнение, привела к возникновению мощного среднего класса. Новая бедность меняет самовосприятие аргентинского общества, а исследователей заставляет переоценить бедных как достаточно однородную группу. Это явление ставит перед социальной политикой новые задачи: нужно заботиться о группе населения, отличающейся от традиционных бедных по потребностям, географическому распределению и культурным параметрам и до сих пор не становившейся объектом специальных программ социальной поддержки. В международном контексте это должно помочь в осмыслении аналогичных процессов.

## **ОПЫТ ОБНИЩАНИЯ**

Обнищание при сохранении рабочего места представляет собой особый опыт, отличный от безработицы или структурной бедности. Новые бедные образуют

*гибридный слой*: они близки к среднему классу по таким долгосрочным экономико-культурным показателям, как уровень образования и менее многочисленные, чем у структурных бедных, семьи, но схожи с последними по уровню доходов, неполной занятости и социальной незащищенности, то есть по краткосрочным показателям, обусловленным кризисом.

Аргентинский опыт показывает, что новая бедность характеризуется поляризацией и разнородностью. Как уже говорилось, в 1980-е годы произошло значительное понижение доходов у представителей всех профессиональных категорий. Одновременно внутри каждой категории увеличивался разрыв между максимальными и минимальными доходами. В итоге новые бедные стали разнородной группой, объединяющей «неудачников» из самых разных профессий. Количественной разнородности соответствовали качественные различия: многообразие социо-профессиональных профилей было обусловлено социальными траекториями, отличавшимися по формам социализации, семейному происхождению, образованию и трудовой биографии. Пройдя перед обнищанием разные пути, оказавшиеся бедными индивиды усвоили весьма разные ожидания, убеждения, привычки потребления. В результате и бедность они переживали очень по-разному.

Обнищание коренным образом меняет весь жизненный уклад: пересмотру подвергаются все аспекты домашнего хозяйства, то есть одной из особенностей обнищания является постоянное принуждение к изменениям. Этим оно отличается от стабильной ситуации бедности, в которой рутинные практики, как правило, воспроизводятся, а также от восходящей мобильности, когда изменения происходят в результате сознательного выбора. Нисходящая мобильность чем дальше, тем больше осложняет повседневную жизнь, заставляя предпринимать каждодневные усилия по ее стабилизации. Эта необходимость встает тем острее, что, с точки зрения индивидов, меняется не только их собственное положение, но и окружающий мир. Обнищание переживается ими и как личное потрясение, и как расстройство социума. В результате невозможной оказывается «адаптация» в классическом смысле — приспособление к новому, определенному или поддающемуся определению контексту. Таким образом, индивиды вынуждены наделять смыслом ситуацию, не предусмотренную ни опытом общества, ни собственной семейной историей.

Это и придало обнищанию характер исключительного для современного аргентинского общества опыта, обозначив разрыв с действовавшей до тех пор поколенческой и историко-культурной моделью. Представители среднего класса не были подготовлены к окончательному, бесповоротному обнищанию. Упадок означает для них конец процесса воспроизводства социальной траектории их семьи, отмеченной восходящей мобильностью каждого поколения по сравнению с предыдущим. Нарушение историко-культурной и поколенческой модели на первом этапе создает ситуацию всеобщей неразберихи, наиболее очевидным проявлением которой становится невозможность осмыслить ситуацию, опираясь на исторический опыт общества.

Этим отчасти объясняется кажущаяся иррациональность поведения многих семей, которые воспроизводили прежние привычки потребления, даже если для

этого приходилось залезать в долги, поскольку предполагали, что страна переживает очередной циклический кризис. В ситуации, возможность которой не предвиделась, невозможно опереться на набор давно усвоенных стратегий. К тому же разлом культурной модели приводит к ослаблению разделяемой всем обществом базовой идеологии. В аргентинском обществе, отмеченном экономической, политической и социальной нестабильностью, таким молчаливым и стабильным консенсусом (возможно, единственным, который переживал все изменения и кризисы) ранее являлся мифический нарратив о коллективном прогрессе.

### СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ

В семьях новых бедных бросалось в глаза кажущееся смещение классических иерархий потребностей. Стараясь «приостановить падение», одни продолжали каждый год проводить отпуск на море, даже лишившись медицинского страхования. Другие не забирали детей из частных школ, хотя им не хватало денег на поддержку здоровья, одежду и досуг. Что же произошло? Возможно, их жизненный уклад расстроился настолько, что исказил иерархию потребностей? Нет, кажущийся беспорядок объяснялся типом альтернативных ресурсов, к которым они прибегали, пользуясь ранее накопленным культурным и, главным образом, социальным капиталом. В отличие от денег такие капиталы являются дискретными и не поддаются дроблению. К примеру, наличие в семье медицинских работников или доступ к сети друзей — текстильных предпринимателей позволяли решать одни проблемы, но оказывались бесполезными в других ситуациях.

Таким образом, социальный капитал использовался для получения привычных благ и услуг, оказавшихся недостижимыми в прежних формах. С этой целью его носители идентифицировали среди своих знакомых тех, кто мог оказать такие услуги, создавая личные сети, позволяющие им залатать те или иные дыры. Речь шла не об установлении вне рыночных отношений, как в сетях, создаваемых рабочим классом, а о повышении гибкости обычных правил обмена: получении скидок, бессрочном кредите и даже бартере. Между тем атрибуты, которые в ситуации обнищания превращаются в социальный капитал, на самом деле были накоплены в иной социальной ситуации, в которой либо служили иным целям, либо не предусматривались как ресурсы.

Рассмотрим пример человека свободной профессии, стремящегося к карьерному росту. Ценным социальным капиталом для него является наличие большого количества профессиональных контактов в своей области. Когда же перед ним встает задача покрыть неудовлетворенные потребности, полезнее всего оказывается многообразие профессиональных профилей — синоним широкой гаммы возможных услуг. К тому же с изменением ситуации ему потребуются одолжения нового типа (например, у знакомого он попросит не рекомендацию, а денег). Теория социального капитала подразумевает стабильный контекст, в котором накопление социальных связей производится с заранее определенной целью, такой как восходящая мобильность или выживание в ситуации бедности. Обнищание — это изменение контекста, и потому эффективность накопленного социального капитала оказывается под вопросом, поскольку он не поддается автоматической ре-

конверсии. Новая бедность выявляет неуверенность в ценности потенциальных ресурсов, чья польза подтверждается только в ходе конкретной операции по их оценке.

### **ЭРОЗИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**

Как индивиды, переживающие обнищание, определяют свое новое место в социальной структуре? Сказывается ли этот процесс на прежней социальной идентичности? Новые бедные задаются вопросом — и спрашивают в ходе интервью у социологов — кем же они теперь являются. Не существует ни единого, ни предусмотренного существующей в обществе системой классификации ответа. Обнищание ставит под вопрос принадлежность к среднему классу, тесно связанную с привычным определением аргентинской идентичности. Отнесение себя к этому классу связывалось с реальным или потенциальным доступом к благам и услугам за пределами простого выживания (определенные типы одежды, досуга, отпуска, бытовых электроприборов и автомобилей). Уровень образования играл важную роль, но решающим фактором оказалось потребление. С одной стороны, к среднему классу можно было принадлежать и не имея диплома, а с другой — с наступлением кризиса жизненных укладов даже очень высокая образовательная квалификация не позволяла избежать вопроса об идентичности. На вышеуказанный вопрос давались ответы двух типов: одни настаивали на неизменности своего статуса, другие ощущали себя изгнанными. Первые опирались на атрибуты, компенсирующие потерю жизненного уровня: дипломы, профессиональное положение, культурный уровень, привычки, прошлое. Для «изгнанных» ключом к принадлежности являлся «стиль жизни». Самоисключение чаще всего встречалось среди тех, кто не располагал дипломами или высококвалифицированным рабочим местом, позволяющим воображаемо компенсировать падение уровня жизни. Находясь в объективно сходном положении, некоторые выбирают первую, а другие вторую позицию, в зависимости от того, делают ли они упор на утраченном или на сохраненном («я профессионал, несмотря ни на что»). Однажды (само)провозглашенный изгнанным вынужден искать для себя новую категорию.

Ни в одном случае наши информанты не считали себя «бедными»: таковыми, по их мнению, были «структурные», давние бедные, от которых их отделяло как прошлое, так и нынешний стиль жизни. Они придумывали новые категории включения, такие как «высокий низкий класс», либо, не справившись с выбором между средним и «бедным» классом, причисляли себя к рабочему классу, что подразумевает изменение параметров классификации, начиная от стиля жизни и заканчивая источником доходов (наемная работа). Налицо сомнения и подвешенная социальная идентичность.

Такая ситуация была характерна для феномена новой бедности в середине 1990-х годов. В исследованиях в середине 2002 года наметились изменения. Впервые, изгнанными из среднего класса теперь считало себя почти что большинство, а многие воспринимали себя как «новых бедных». Данный термин вышел за пределы научного поля и был присвоен теми, кого так обозначали. Изменение идентичности совпало с ослаблением стратегий отмежевания от «настоящих бед-

ных», одним из показателей чего послужило изменение отношения к государственной социальной поддержке, от которой раньше отказывались. Об этом говорят требования «новых бедных» получить доступ (затрудненный действующими критериями) к программе «Безработные главы семей» — масштабной политике перераспределения доходов, введенной в действие вслед за кризисом 2001 года.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Какие изменения наблюдаются в положении новых бедных с момента проведения первых исследований? Во-первых, это уже не новое для Аргентины социальное явление. Существуют семьи, которые уже одно или два десятилетия являются «новыми бедными» со всеми вытекающими из этого социальными последствиями. Во-вторых, в ряде случаев процессы нисходящей мобильности, проявившиеся в начале 1990-х годов, сегодняшнему взгляду представляются проходящими, так как позже завершились временным или постоянным восстановлением. В-третьих, в начале 1990-х годов новая бедность оставалась «за закрытыми дверями» и не порождала коллективных действий и стратегий. После 2001 года новые бедные стали активно выступать в рамках создаваемых в крупных городских центрах «районных ассамблей» и в бартерных клубах, в которых участвовало более двух миллионов людей.

Отсюда — несколько (само)критических замечаний в адрес тех, кто исследовал бедность в 1990-е годы. Новизна того, что происходило со средним классом, осложняла восприятие воздействия его обнищания на структуру общества в целом. В частности, с ростом безработицы средний класс сместил рабочих с их традиционных мест. На рынке труда возникло соперничество, в результате которого рабочие места многих структурных бедных были заняты обедневшими, но более квалифицированными представителями среднего класса.

В заключение мы хотели бы подчеркнуть, что новая бедность создает серьезные вызовы для государства. В исследуемой стране два с лишним десятилетия обнищания не привели к возникновению новой социальной политики. Хотелось бы, чтобы ошибки и упущения Аргентины помогли другим странам региона избежать страдания широких слоев населения.

*Перевод с испанского Михаила Габовича*